

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

Н. А. Лопашенко

**ОСНОВЫ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ**

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР**

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Наталья Лопашенко

**Основы уголовно-
правового воздействия**

«Юридический центр»

2004

УДК 343.2
ББК 67.408

Лопашенко Н. А.

Основы уголовно-правового воздействия / Н. А. Лопашенко —
«Юридический центр», 2004 — (Теория и практика уголовного
права и уголовного процесса)

В монографии исследуются проблемы уголовного права, уголовного закона и уголовно-правовой политики, объединенные автором в одно общее понятие – уголовно-правовое воздействие. Автор подробно рассматривает такие дискуссионные аспекты указанных проблем, как значение, предмет и метод уголовного права, его задачи и функции, внутреннее строение (проблемы, связанные с нормой и институтом уголовного права), соотношение уголовного права и уголовного закона, источники уголовного законодательства, проблемы толкования уголовного закона, понятие и содержание принципов уголовного права, понятие, содержание, методы и формы уголовно-правовой политики, проблемы криминализации и пенализации, в том числе конкретных преступлений – преступлений в сфере экономической деятельности и компьютерных преступлений и др. В работе учтены последние монографические и иные исследования по названным темам, а также июльские 2004 г. изменения уголовного законодательства. Для научных работников, преподавателей и студентов юридических учебных заведений, сотрудников правоприменительных органов и всех, интересующихся проблемами уголовного права, уголовного законодательства и уголовно-правовой политики.

УДК 343.2
ББК 67.408

© Лопашенко Н. А., 2004

© Юридический центр, 2004

Содержание

Несколько слов от автора	6
Глава 1	7
§ 1. Понятие, предмет и метод уголовного права	7
§ 2. Структура уголовного права	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Н. А. Лопашенко

Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика

Несколько слов от автора (вместо предисловия)

Рано или поздно любой исследователь приходит к необходимости решения для себя и по-своему (пусть и безупречно) общих вопросов той науки, которой он занимается. Не минула сия чаша и меня. Впрочем, мой путь в науке начинался именно с исследования теоретических вопросов уголовного права – принципов кодификации уголовно-правовых норм. Так что настоящая книга – в какой-то степени возвращение на круги своя и дань памяти моему учителю – профессору Павлу Ивановичу Гришаеву.

Я долго думала над названием книги, уже практически ее написав. Остановилась на «Основах уголовно-правового воздействия», поскольку именно термин «уголовно-правовое воздействие», на мой взгляд, в большей степени охватывает сразу и уголовное право, и уголовное законодательство, и уголовно-правовую политику как основополагающие элементы, аккумулирующие в себе понятия преступного и наказуемого и все, что с ними связано. Уголовно-правовое регулирование, о котором часто, много и справедливо говорят, – более узкое понятие.

Я специально обратилась в работе к анализу принципов уголовного права, уголовного законодательства и частично принципов уголовно-правовой политики, поскольку без решения принципиальных проблем невозможно последовательно и непротиворечиво решить другие проблемы и проблемные вопросы.

Конечно, не все получилось и не все задумки реализованы. Так, к сожалению, у меня пока не сложилась концепция уголовно-правового регулирования (свое видение ее, разумеется) и отличие последнего от уголовного права; поэтому, прямо и честно оговорив это, я не стала останавливаться на указанных аспектах темы. Далеко не все сказано об уголовно-правовой политике. Может быть, в дальнейшем...

Тем не менее, что получилось – то получилось. Работа над книгой еще раз подтвердила, как интересна и глубока современная уголовно-правовая наука, какой громадный у нее потенциал и как много есть путей для ее дальнейшего развития. Спасибо всем, чьи работы упоминаются в монографии; своими идеями Вы дали мне возможность творчества. Я старалась быть корректной в критике научных позиций; простите, если это где-то удалось недостаточно хорошо.

Наталья Лопашенко

30 июля 2004 г.

Глава 1

Понятие, задачи и функции уголовного права¹

§ 1. Понятие, предмет и метод уголовного права

О значениях, в которых употребляется понятие «уголовное право»

История возникновения уголовного права достаточно хорошо известна и разработана в науке². Уголовное относится к числу старейших, хотя и не самых старых правовых систем; очевидно, что приоритет в правовой регламентации принадлежит гражданско-правовой отрасли³. Однако очень скоро последняя потребовала при определенных ситуациях более строгой защиты, которая явно уже выходила за пределы частного права. Пожалуй, только по одному виду опасного поведения можно утверждать, что оно стало порицаться, в том числе в законе, практически одновременно с первой правовой регламентацией: речь идет, разумеется, об убийстве.

Хорошо известен ныне и факт возникновения уголовного права с институтов, которые сегодня мы относим к институтам Особенной части; некие обобщения, результатом которых стали положения Общей части, появились гораздо позднее, – считается, что это произошло только в конце XVIII в.

Совершенно очевидна – в историческом аспекте – социальная обусловленность появления уголовного права. Существование в обществе таких разновидностей человеческого поведения, которые явно посягали не только на интересы отдельного индивидуума, но и самого общества, требовало немедленной и жесткой реакции общества и государства на такое поведение; общественная жизнь могла быть плодотворной только при разработке и поддержании общих правил поведения. Уголовное право начиналось с формулирования безусловных запретов конкретных видов опасного поведения (убийства, хищения, позже в России – преступлений против государя и веры) и регламентации в законе наказаний за их нарушение; система таких запретов оформилась много позже – по мнению исследователей, в конце XVIII в. С тех пор происходит постоянное совершенствование этой системы, подстраивание ее под социальную действительность; одновременно наблюдается и расширение методов воздействия на опасное отклоняющееся поведение (поощрение прочно вошло в систему уголовного права).

В науке до сих пор точно не установлено, что означает термин «уголовное»⁴. В равной степени распространены две основные⁵ версии. Согласно первой, термин «уголовное» связан с

---

¹ Заметила, что в одном из многочисленных учебников по уголовному праву само понятие уголовного права вообще не анализируется и не вынесено для рассмотрения в самостоятельную главу (Уголовное право России: Общая и Особенная части / Под ред. проф. В. П. Ревина. – М., 2000). Думаю, это совершенно неверно.

² См., например: Уголовное право. Общая часть / Под ред. В. Н. Петрашова. – М., 1999. – С. 18–40. Автор главы – А. И. Бойко. Своеобразная точка зрения на возникновение уголовного права принадлежит Н. Г. Иванову, который пишет: «Если право в целом – порождение конфликта, то уголовное право, как наиболее репрессивная его ветвь, появилось, можно сказать, благодаря грандиозному скандалу» (Иванов Н. Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части. – М., 2003. – С. 35).

³ С этим не согласен Н. М. Кропачев, отмечающий: «Древнейшие источники права свидетельствуют: чем древнее право, тем в большей степени оно является уголовным» (Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. – СПб., 1999. – С. 66). Думаю, однако, что указанная точка зрения родилась из анализа лишь одного и явно неглавного источника права – законодательства; в древнейший период его выполняли еще и многочисленные обычаи, не закрепленные в писаном праве.

⁴ Подробно вопросы о содержании термина «уголовное право» были рассмотрены, например, в работе: Голик Ю., Елисеев

таким известным первому писаному российскому законодательству преступлением, как головничество (близкое современному убийству)⁶. Вторая версия также обращается к древнейшему законодательству, которое предполагало за тягчайшие «обиды» такую ответственность, как «головы не имати», отвечать головой, т. е. жизнью. Как видим, термин «уголовное» связывает в себе два основных понятия, которые ныне вкладываются в уголовно-правовую материю, – преступление и наказание⁷. И он является исконно русским. Исследователи справедливо отмечают, что уголовное право не называется так ни в одном государстве мира. Название его в других странах происходит или от понятия «преступление» – *criminal law*, *criminalrecht*, или от понятия «наказание» – *penal law*, *strafrecht*.

Несмотря на, казалось бы, очевидную однозначность понятия «уголовное право», в него вкладывают, по меньшей мере, два, часто – три, а иногда – и четыре значения, в частности: 1) уголовное право толкуется как собственно право или система специфических правовых норм; 2) уголовное право – самостоятельная законодательная отрасль⁸; 3) уголовное право – наука уголовного права; 4) уголовное право – учебная дисциплина. При понятной близости этих значений (в основе всех их лежит уголовно-правовая материя), они, тем не менее, разные⁹.

Двумя значениями наделяет уголовное право, например, А. И. Коробеев. Он полагает, что уголовное право имеет два основных значения: отрасль права и наука¹⁰. С ним солидарен И. Э. Звечаровский, вкладывающий, однако, в понятие отрасли научного знания соответствующую учебную дисциплину¹¹. Напротив, Н. Г. Иванов считает, что «понятие „уголовное право“ предстает в двух ипостасях: как отрасль законодательства и как отрасль науки права»¹². По мнению же Н. Ф. Кузнецовой, «понятие уголовного права употребляется в двух значениях: отрасли законодательства и отрасли права». Однако далее она называет еще два значения уголовного права, отмечая, что «в системе юридических наук обязательной подсистемой является наука уголовного права. Одноименна и обязательная профилирующая учебная дисциплина в юридических вузах»¹³.

О трех самостоятельных значениях уголовного права говорят в науке многие исследователи. Так, например, В. Д. Иванов выделяет три понятия уголовного права: отрасль права, наука и учебная дисциплина¹⁴. Так же считает Ф. Р. Сундуков¹⁵. О. Ф. Шишов полагал, что уго-

С. Понятие и происхождение названия «уголовное право» // Уголовное право. 2002. № 2. – С. 14–16.

⁵ Разумеется, количество версий двумя не исчерпывается. Есть, например, версия, упомянутая И. Э. Звечаровским, связанная со словом главное, – главное преступление (Уголовное право России. Общая часть / Под ред. И. Э. Звечаровского. – М., 2004. – С. 6).

⁶ Есть и другая точка зрения на этот термин. Н. И. Ветров считает, что преступлением была «головщина», а головничество – наказанием (Ветров Н. И. Уголовное право. Общая часть. – М., 1999. – С. 7).

⁷ Иначе считает А. И. Коробеев, полагающий, что терминологически уголовное право более тяготеет к наказанию, к наказательному праву (Российское уголовное право: Курс лекций / Под ред. проф. А. И. Коробеева. Т. 1. Преступление. – Владивосток, 1999. – С. 5).

⁸ С этим не согласен И. Э. Звечаровский, полагающий, что «при всей взаимосвязи и взаимозависимости понятий права и закона существующие между ними различия качественного порядка не дают оснований для подобных утверждений» (Уголовное право России. Общая часть / Под ред. И. Э. Звечаровского. – М., 2004. – С. 7). Очевидно, следует признать правоту этого автора, однако исторически сложилось так, что в науке и в учебно-методических источниках уголовное право часто употребляют в значении уголовного закона.

⁹ Поэтому вызывает сомнение правильность определения уголовного права, предложенного Н. И. Ветровым, который полагает, что оно «представляет совокупность законов и юридических норм, издаваемых высшим органом государственной власти...» (Ветров Н. И. Уголовное право. Общая часть. – М., 1999. – С. 8).

¹⁰ Уголовное право Российской Федерации: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. – М., 2002. – С. 11.

¹¹ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. И. Э. Звечаровского. – М., 2004. – С. 7.

¹² Иванов Н. Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части. – М., 2003. – С. 37.

¹³ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. Ф. Кузнецовой и канд. юрид. наук, доц. И. М. Тяжковой. – М., 1999. – С. 1.

¹⁴ Иванов В. Д. Уголовное право. Общая часть. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 6.

ловное право существует как отрасль уголовного законодательства, отрасль уголовного права, и наука, и учебная дисциплина, объединяя два последних понятия в одно¹⁶. По мнению Л. Д. Гаухмана, уголовное право употребляется в значениях отрасли законодательства, отрасли науки и учебной дисциплины (учебного курса)¹⁷.

Четыре значения уголовного права выделяют, например, А. И. Бойко, Ю. Е. Пудовочкин и С. С. Пирвагидов¹⁸. Иначе определяет формы уголовного права И. Я. Козаченко. По его мнению, уголовное право проявляет себя, как а) социальная ценность, своеобразный лакмус, отражающий, с одной стороны, «нравственную прочность общественных устоев против напора зла (преступности)», с другой – «суровую необходимость и милосердные способы борьбы с преступными проявлениями уголовно-правовыми средствами»; б) научное явление; в) отрасль права; г) предмет творческого познания, т. е. учебная дисциплина²⁰. Иначе определяет формы уголовного права И. Я. Козаченко. По его мнению, уголовное право проявляет себя, как а) социальная ценность, своеобразный лакмус, отражающий, с одной стороны, «нравственную прочность общественных устоев против напора зла (преступности)», с другой – «суровую необходимость и милосердные способы борьбы с преступными проявлениями уголовно-правовыми средствами»; б) научное явление; в) отрасль права; г) предмет творческого познания, т. е. учебная дисциплина¹⁹.

Думаю, что многообразие значений уголовного права вполне допустимо и лишь подчеркивает многообразие его проявлений. Определим здесь первоначальные, условно рабочие понятия всех четырех основных значений уголовного права.

Уголовное право как отрасль права представляет собой систему правовых норм о преступном и наказуемом, включающую в себя нормы, предусматривающие общие правила регламентации уголовно-правовых отношений, а также нормы о признании преступлениями отдельных видов опасного отклоняющегося поведения и о наказании за них, основанные на указанных выше общих правилах.

Уголовное право как правовая отрасль входит в систему других правовых отраслей и обладает всеми присущими любой правовой отрасли признаками: нормативностью, обязательностью, универсальным характером, рассчитанным не на казус – случайное проявление, а на типичную ситуацию, и т. д. Выделяет уголовное право из этой системы его предмет и методы, которые специфичны только для данной отрасли права.

Уголовное право является самой репрессивной по методам правовой отраслью: за нарушение установленных уголовным правом запретов следует тягчайшее наказание в любом государстве – уголовное. Преступивший уголовно-правовую норму может быть, например, лишен свободы, в том числе и пожизненно; сохраняется и теоретическая возможность применения к нему смертной казни, которая, хотя и не реализуется на практике, предусмотрена уголовным законодательством. Последствия преступления уголовно-правовой нормы не сопоставимы с

¹⁵ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. проф. Ф. Р. Сундукова. – Казань, 2003. – С. 5.

¹⁶ Российское уголовное право. В 2 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. проф. А. И. Рарога. – М., 2004. – С. 7.

¹⁷ Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная / Под ред. проф. Л. Д. Гаухмана, проф. Л. Д. Колодкина и проф. С. В. Максимова. – М., 1999. – С. 7.

¹⁸ Уголовное право. Общая часть / Под ред. В. Н. Петрашова. – М., 1999. – С. 15–16; Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. – СПб., 2003. – С. 21; Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. проф. И. Я. Козаченко, проф. З. А. Незнамова. – М., 2001. – С. XIV.

²⁰ Среди определений уголовного законодательства выделяется определение Л. Д. Гаухмана: «Как отрасль уголовного законодательства – это государственная воля, возведенная высшим органом законодательной власти в систему юридических норм, предусматривающих основание, принципы и другие общие положения уголовной ответственности, виды преступлений, а также наказания и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений» (Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная / Под ред. проф. Л. Д. Гаухмана, проф. Л. Д. Колодкина и проф. С. В. Максимова. – М., 1999. – С. 7).

¹⁹ Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. проф. И. Я. Козаченко, проф. З. А. Незнамова. – М., 2001. – С. XIV.

последствиями совершения ни одного из известных правовой системе нарушений; помимо уголовного наказания, о котором уже сказано, виновное лицо подвергается определенным лишениям в связи с наличием у него в течение установленного уголовным законом времени судимости. Более того, иногда эти лишения сопровождают человека всю оставшуюся жизнь, даже после снятия или погашения судимости, поскольку судимость препятствует занятию некоторых должностей (например, связанных с осуществлением правосудия) или осуществлению какой-либо деятельности.

Сказанное обуславливает высочайшую ответственность, которая лежит перед уголовным правом как отраслью права, и претворяющими ее в действительность органами и их должностными лицами. Большинство совершаемых последними злоупотреблений расцениваются как самостоятельные преступления, предусмотренные самим уголовным правом (например, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, принуждение к даче показаний, и т. д.).

Уголовное право как отрасль законодательства представляет собой в России единый кодифицированный акт – Уголовный кодекс РФ 1996 г., который состоит из статей, расположенных в строгой системе, содержащих уголовно-правовые нормы о преступном и наказуемом²⁰. Все другие законодательные акты, содержащие уголовно-правовые нормы, согласно прямому указанию Закона, подлежат включению в Уголовный кодекс. Уголовное законодательство есть не что иное, как форма уголовного права.

Уголовное право как научная отрасль есть система знаний, а также взглядов и идей об уголовном праве и уголовном законодательстве. По содержанию уголовно-правовая наука, однако, много шире и уголовного права, и уголовного законодательства, поскольку занимается исследованием вопросов истории права и законодательства, сравнительно-правовыми исследованиями, теоретическими проблемами правоприменения (теорией квалификации) и т. д.

Наконец, **уголовное право как учебная дисциплина** – это преподаваемый в учебных заведениях курс уголовного права, направленный на приобретение студентами знаний о преступном и наказуемом и в конечном счете на эффективную и верную практическую реализацию положений уголовного права и уголовного закона в дальнейшей их деятельности.

Уголовное право составляет материальную сущность всех других значений уголовного права – как отрасли законодательства, отрасли научного знания и учебной дисциплины. Вместе они образуют **уголовно-правовое воздействие**. В принципе можно согласиться с определением уголовно-правового воздействия, сформулированным В. К. Дуюновым: «Уголовно-правовое воздействие можно представить как специальную деятельность государства, реагирующего на факты нарушения устанавливаемых им уголовно-правовых запретов посредством использования возможностей, заложенных в уголовном праве»²¹.

Предмет уголовного права²²

Несмотря на очевидность сущности уголовного права и уголовно-правового регулирования Здесь особо следует отметить вклад в почти единодушное признание за уголовным правом регулятивных начал и в современную разработку проблем уголовно-правового регулирования В. С. Прохорова, Н. М. Кропачева и А. Н. Тарбагаева (*Прохоров В. С., Кропачев Н. М.,*

²⁰ Среди определений уголовного законодательства выделяется определение Л. Д. Гаухмана: «Как отрасль уголовного законодательства – это государственная воля, возведенная высшим органом законодательной власти в систему юридических норм, предусматривающих основание, принципы и другие общие положения уголовной ответственности, виды преступлений, а также наказания и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений» (Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная / Под ред. проф. Л. Д. Гаухмана, проф. Л. Д. Колодкина и проф. С. В. Максимова. – М., 1999. – С. 7).

²¹ Дуюнов В. К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. – М., 2003. – С. 28.

²² Здесь и далее речь пойдет в основном о первом значении термина «уголовное право» – как отрасли права.

Тарбагаев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования. – Красноярск, 1989; Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. – СПб., 1999; Кропачев Н. М., Прохоров В. С. Механизм уголовно-правового регулирования: Уголовная ответственность. – СПб., 2000).], в науке, пожалуй, нет более неустоявшихся, спорных, неоднозначно толкуемых понятий, чем предмет и метод уголовного права.

В недавнем прошлом в науке была высказано мнение, согласно которому уголовное право не имеет своего предмета регулирования, поскольку вообще не занимается регулированием общественных отношений, а предназначено лишь для их охраны²³. Это мнение неоднократно подвергалось критике²⁴, и на сегодняшний день практически единодушно признано неосновательным, поэтому, думаю, еще один его анализ ничего в общей оценке этой точки зрения не добавит, поэтому в нем нет необходимости. Интересно, что автор этой точки зрения Б. Т. Разгильдиев в настоящее время от нее тоже отказался и сформулировал другую, оригинальную, в корне отличающуюся от всех остальных, однако тоже неприемлемую, на мой взгляд. Она заключается в том, что Б. Т. Разгильдиев признает предметом уголовного права «человека, воздействуя на которого, уголовное право удерживает его от совершения преступления». Обоснование такого тезиса состоит в том, что человек материален и существует объективно, независимо от нашего сознания, следовательно, в принципе может быть предметом; уголовно-правовая функция непосредственно воздействует на сознание и волю физического лица, а не на общественные отношения; регулятивные и охранительные отношения же выступают не в качестве предмета, а в качестве метода уголовного права²⁵. Здесь безусловно можно согласиться с тем, что человек действительно занимает центральное место в механизме уголовно-правового и любого иного регулирования. Возможно, следовало обсудить эту позицию глубже, если бы автор проводил разницу между уголовным правом и уголовно-правовым регулированием, однако содержание цитируемой статьи не дает оснований для такого вывода.

В настоящее время исследователи признают наличие у уголовного права самостоятельного предмета регулирования²⁶, но расходятся в определении его содержания.

Так, А. И. Коробеев полагает, что предметом регулирования уголовного права выступают «общественные отношения, возникающие в результате совершения общественно опасных деяний. Круг данных отношений... очерчивается путем определения в законе, какие общественно опасные деяния признаются преступлениями, и установлением наказаний за их совершение»²⁷.

Б. В. Здравомыслов определял предмет регулирования уголовного права как «общественные отношения, которые возникают в связи с совершением преступления»²⁸. При этом субъектами названного правоотношения Б. В. Здравомыслов видел, с одной стороны, лиц, совершивших преступные деяния, а с другой – государство в лице правоприменительных органов²⁹. С одной стороны, термин «преступление» в определении Б. В. Здравомыслова следует признать более точным, поскольку употребленное, например, А. И. Коробеевым поня-

²³ Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. – Саратов, 1993. – С. 4–5 и др.

²⁴ См., например: Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 16; Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. – СПб., 2003. – С. 25.

²⁵ Разгильдиев Б. Т. Предмет уголовного права // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации. – Саратов, 2002. – С. 22–24.

²⁶ Не говорит о нем напрямую, пожалуй, только П. А. Фефелов, постоянно подчеркивающий, что «речь следовало бы вести не о регулировании, а об охране общественных отношений», и выделяющий в качестве главной, если не единственной, охранительную функцию уголовного права (Фефелов П. А. Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью: Основы общей теории. – Екатеринбург, 1999. – С. 29–30, 41, 76 и др.).

²⁷ Уголовное право Российской Федерации: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. – М., 2002. – С. 11.

²⁸ Так же считает и Н. И. Ветров (Ветров Н. И. Уголовное право. Общая часть. – М., 1999. – С. 9).

²⁹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. – М., 1999. – С. 8.

тие «общественно опасное деяние» может принадлежать и иной правовой отрасли, например административному праву. С другой стороны, в предмет уголовного права, очевидно, входят общественно опасные деяния, которые не могут быть признаны преступлениями в силу совершения их несубъектом уголовного права³⁰, и тогда позиция А. И. Коробеева – более верная.

В основном, позицию Б. В. Здравомыслова разделяют сегодня Ю. И. Ляпунов³¹, В. П. Ревин³² и С. И. Никулин. Последний, однако, делает оговорку, что в предмет уголовного права входят и другие отношения, которые возникают вследствие предусмотренного уголовным законом непроступного поведения при обстоятельствах, исключающих преступность деяния³³. Поскольку они регулируются уголовным законом, постольку они должны быть сочтены уголовно-правовыми, однако, в отличие от первых – охранительных, вторые являются регулятивными³⁴. Определенное противоречие в позиции, таким образом, налицо: если предмет уголовного права составляют отношения, возникающие в связи с совершением преступления, то на каких основаниях можно признать уголовно-правовыми отношения, не связанные с совершением преступлений?

Указанное противоречие отсутствует в позиции А. И. Чучаева, который говорит уже о двух группах общественных отношений, входящих в предмет уголовного права: 1) охранительных, возникающих между государством и лицом, совершившим деяние, содержащее все признаки преступления, и 2) регулятивных, которые складываются на основе управомочивающих норм, наделяющих граждан правом на причинение вреда при необходимой обороне, крайней необходимости, и т. д.³⁵

Близкой к приведенной, но более широкой, является точка зрения О. Ф. Шишова, признававшего предметом уголовного права «общественные отношения, которые возникают в связи с совершением лицом преступления и применения к нему наказания»³⁶. Он выделял три группы общественных отношений, входящих в предмет уголовного права: 1) охранительные уголовно-правовые отношения, возникающие между лицом, совершившим преступление, и государством. По мнению О. Ф. Шишова, это отношение носит односторонний характер: «Преступник обязан нести ответственность за совершенное деяние, а государство имеет право его наказать»; 2) отношения правового воздействия на поведение людей, которые связаны с удержанием лица от преступления посредством угрозы наказания, содержащейся в уголовно-правовых нормах; 3) регулятивные уголовно-правовые отношения, которые возникают при реализации гражданами права на причинение вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния³⁷. Обращает на себя внимание, что понятие предмета уголовного права, сформулированное О. Ф. Шишовым, и его расшифровка предмета через уголовно-правовые отношения не совпадают друг с другом. С одной стороны, включение в предмет уголовного

³⁰ Это отмечается и в работе: Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. – СПб, 2003. – С. 31–33.

³¹ Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 14–15.

³² Уголовное право России: Общая и Особенная части / Под ред. проф. В. П. Ревина. — М., 2000.

³³ Похожую позицию занимает и Г. О. Петрова, с той только разницей, что субъектами уголовных правоотношений она считает, с одной стороны, «человека, переводящего свой субъективный потенциал в преступное и постпреступное поведение», а с другой – общество: «от имени общества деятельность представителей правоохранительных органов в связи с преступным поведением субъекта и деятельность потерпевшего, который может защищать себя сам (ст. 37 УК РФ)... и примириться с лицом, совершившим преступление (ст. 76 УК РФ), а также не возбуждать уголовного преследования (примечание к ст. 201 п. 2 УК РФ)» (Петрова Г. О. Норма и правоотношение – средства уголовно-правового регулирования. – Н. Новгород, 1999. – С. 32).

³⁴ Российское уголовное право. Общая часть / Под общ. ред. проф. М. П. Журавлева. – М., 2000. – С. 4–5.

³⁵ Уголовное право. Общая часть / Под ред. проф. А. И. Рарога. – М., 1997. – С. 3–4; Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. проф. А. И. Рарога. – М., 2003. – С. 4–5.

³⁶ Российское уголовное право. В 2 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. проф. А. И. Рарога. – М., 2004. – С. 7.

³⁷ Российское уголовное право. В 2 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. проф. А. И. Рарога. – М., 2004. – С. 8.

права отношений по применению к лицу наказания едва ли верно, поскольку эти отношения частично входят в предмет другой правовой отрасли – уголовно-исполнительного права. Эти отношения, кстати, не отражены в структуре уголовно-правовых отношений, предложенных автором, и совершенно справедливо. С другой стороны, выпадает из определения предмета уголовного права третья группа уголовно-правовых отношений, поскольку они явно не связаны ни с совершением лицом преступления, ни с наказанием его за это.

Такие же три группы уголовно-правовых отношений, с некоторыми ремарками по поводу их содержания, выделяет и А. В. Наумов. По первой группе отношений, также именуемой охранительными, он замечает, что каждый из субъектов этого правоотношения обладает определенными правами и несет корреспондирующие им обязанности. Думаю, что это более верное решение, нежели предложенное О. Ф. Шишовым, считающим указанные отношения односторонними. Лицо, совершившее преступление, не может быть бесправно в уголовно-правовых отношениях, а у привлекающего его к ответственности государства не могут быть только права, не обремененные обязанностями.

Вторую группу уголовно-правовых отношений А. В. Наумов называет общепредупредительными. О третьей – регулятивной – группе отношений он пишет, что «осуществляющий, например, свое право на необходимую оборону, с одной стороны, вступает в правовые отношения с лицом, посягающим на интересы личности, общества или государства и обычно нарушающим соответствующий уголовно-правовой запрет. С другой стороны, поведение обороняющегося компетентны признать правомерным только суд и прокурорско-следственные органы... Таким образом, обороняющийся вступает в правовые отношения и с государством в лице суда, прокурорско-следственных органов»³⁸. Действительно, следует согласиться с А. В. Наумовым в том, что нападающий в необходимой обороне чаще всего совершает по отношению к обороняющемуся преступление. Однако, во-первых, регулированию здесь подлежат не отношения между нападающим и государством, а отношения между нападающим и обороняющимся. Во-вторых, совершение одной из сторон этих сложных отношений преступления характерно далеко не для всех отношений, связанных с обстоятельствами, исключающими преступность деяния. Соответственно, даже опосредованного выхода на отношения, связанные с совершением преступления, может и не быть, и часто не бывает. И тогда, опять-таки, возникает вопрос: на каком основании третья группа отношений отнесена к уголовно-правовым отношениям.

По мнению Р. Р. Галиакбарова, в предмет уголовного права входят четыре группы общественных отношений: 1) уголовно-правовые отношения, возникающие в связи с изданием уголовно-правовых норм, автор называет их еще общевоспитательными уголовно-правовыми отношениями, они возникают между всеми законопослушными гражданами и государством; 2) охранительные уголовно-правовые отношения, возникающие в связи с совершением преступления; 3) предупредительные уголовно-правовые отношения, направленные на удержание конкретных лиц от совершения преступлений путем угрозы применения уголовно-правовых санкций; 4) регулятивные уголовно-правовые отношения, стимулирующие желательное (позитивное) поведение людей в целях пресечения преступных посягательств (необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, обоснованный риск, и др.)³⁹.

Таким образом, по сравнению с видами уголовно-правовых отношений, о которых говорят О. Ф. Шишов и А. В. Наумов, новым является здесь разделение первой группы отношений – существующих между всеми гражданами и государством по поводу уголовно-правового запрета – на две самостоятельные группы: общевоспитательные и предупредительные. Послед-

³⁸ Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. акад. В. Н. Кудрявцева и проф. А. В. Наумова. – М., 2000. – С. 9. Точно такую же точку зрения на проблему предмета правового регулирования уголовного права высказал и Ф. Р. Сундуков (Уголовное право России. Общая часть / Под ред. проф. Ф. Р. Сундукова. – Казань, 2003. – С. 8).

³⁹ Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть. – Краснодар, 1999. – С. 9–11.

ние, по мысли Р. Р. Галиакбарова, адресованы «той прослойке общества, в рамках которой бытуют и воспроизводятся стандарты поведения, допускающие возможность совершения преступлений»⁴⁰. Думаю, что это, в значительной степени, искусственное разделение. Нормы уголовного права, в том числе и норма о добровольном отказе, значение которой для этой группы отношений специально подчеркнуто автором, в равной степени адресуются всем лицам; в этом и состоит превентивное воздействие уголовного закона, сочетающее в себе и некоторые элементы воспитательного воздействия.

Специфический взгляд на предмет уголовного права у В. Д. Иванова, который считает им права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, окружающую среду, конституционный строй РФ, защиту их от преступных посягательств, а также обеспечение мира и безопасности человечества⁴¹. Едва ли это может быть признано верным, поскольку все перечисленные блага интересуют уголовное право только в той мере, в какой это необходимо для обеспечения их защиты от преступных посягательств; регулируются же они, как правило, другими правовыми отраслями.

Очень широко толкует предмет уголовного права В. В. Мальцев, который включает в него «общественные отношения базисного характера (предмет уголовно-правовой охраны), наиболее опасные формы антисоциального поведения людей, уголовное законодательство, регулятивные и охранительные отношения, отношения ответственности, отдельные формы общественно опасного (правомерного) поведения, принудительные меры медицинского характера в отношении невменяемых»⁴². Думаю, что с таким определением согласиться нельзя. Во-первых, в одно собираются совершенно неравнозначные категории, рассматриваемые как элементы одного понятия (например, законодательство, отношения и поведение людей). Кроме того, такая дефиниция предмета больше похожа на простое перечисление всех понятий и институтов, которые относятся к уголовно-правовым, нежели на определение предмета правовой отрасли.

Не связывает с общественными отношениями предмет уголовного права и А. Н. Игнатов, понимающий под предметом «деяния, признаваемые преступными, а также наказание, предусмотренное за совершение таких деяний»⁴³. По этому поводу, со ссылкой на С. С. Алексеева, совершенно справедливо, на мой взгляд, заметил И. Э. Звечаровский: «Предмет отрасли права – предмет правового регулирования – это всегда общественные отношения, которые объективно, по своей природе могут „поддаваться“ нормативно-организационному воздействию, регулированию, осуществляемому при помощи юридических норм, институтов, всех иных юридических средств, образующих механизм правового регулирования»⁴⁴.

Как всегда выделяется и позиция И. Я. Козаченко, считающего, что предметом уголовно-правового регулирования выступает «отклоняющееся (аномальное) отношение, свидетельствующее о наличии социального конфликта, порожденного преступным актом одной из сторон этих отношений... ибо только наличие этого вида отношения между людьми снимает предохранительное пусковое устройство всегда находящегося в повышенной готовности уголовно-правового регулятивного механизма»⁴⁵. Правда, далее, И. Я. Козаченко пишет уже о двух предметах уголовного права: «Первый – охрана наиболее важных для общества отношений независимо от сферы человеческой деятельности... Содержание второго предмета как раз и составляют отклоняющиеся (аномальные) отношения, противоречащие интересам не только

⁴⁰ Там же. – С. 11.

⁴¹ Иванов В. Д. Уголовное право. Общая часть. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 7.

⁴² Мальцев В. В. Введение в уголовное право. – Волгоград, 2000. – С. 93.

⁴³ Игнатов А. Н., Красиков Ю. А. Курс российского уголовного права: В 2 т. Т. 1. Общая часть. – М., 2001. – С. 3. См. также: Игнатов А. Н. Введение в изучение уголовного права. Уголовный закон. – М., 1996. – С. 3.

⁴⁴ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. И. Э. Звечаровского. – М., 2004. – С. 8.

⁴⁵ Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. – проф. И. Я. Козаченко, проф. З. А. Незнамова. – М., 2001. – С. 14.

отдельных граждан, но и общества в целом»⁴⁶. Налицо, таким образом, некоторое противоречие в позиции автора.

Близка к точке зрения И. Я. Козаченко точка зрения В. П. Малкова, отдельно выделяющим *предмет охраны* уголовного права (наиболее важные из складывающихся в стране отношения, в становлении, упрочении, совершенствовании и стабильности которых заинтересована власть) и *предмет правового регулирования* уголовного права (отношения, возникающие между государством и лицом, совершившим запрещенное уголовным законом деяние)⁴⁷. Представляется, что разделение единого предмета правовой отрасли на предмет охраны и предмет правового регулирования методологически неверно; получается, что охрана общественных отношений не включается в правовое регулирование уголовного права, остается за его рамками, а само уголовное право реализуется не только через правовое регулирование, но и еще через что-то, что не знает обобщенного определения, или не может быть отнесено к определенной правовой категории, – через охрану общественных отношений.

Если рассуждать далее, неизбежно приходим к выводу, что охрана не есть регулирование, и, соответственно, не предполагает упорядочивания определенных отношений, является чем-то внешним для этих отношений. На каком основании тогда в законе установлены санкции за нарушение правил охраны? И какой отраслью права *регулируется* эта охрана? Верно замечает И. Э. Звечаровский: «Трудно представить ситуацию, при которой та или иная отрасль права только бы регулировала или только бы охраняла, поскольку правовое воздействие на общественные отношения – это единый регулятивно-охранительный процесс»⁴⁸.

Самое интересное, что и Ю. И. Ляпунов, анализируя проблему правового регулирования далее, пишет: «Специфической особенностью права является его способность определять границы (пределы) социально значимого поведения людей, ставить его в определенные, заранее заданные рамки, направлять человеческую деятельность по пути достижения общественно полезных целей. Реализация практической деятельности в рамках общеобязательных правовых предписаний, в строгом соответствии с нормативно закрепленной программой поведения и есть не что иное, как правовое регулирование общественных отношений»⁴⁹. Как раз это и происходит в уголовном праве; именно поэтому и охранительно-предупредительные уголовно-правовые отношения – это отношения, входящие в предмет уголовно-правового *регулирования*. Однако такой вывод не устраивает авторов приведенной выше вполне справедливой мысли, и они заключают, что «характер регулирующего воздействия на адресата норм уголовного права, в отличие от других отраслей, имеет особые специфические формы проявления»⁵⁰.

В то же время, думаю, последняя позиция родилась как раз потому, что ее авторы не могут не замечать, что уголовно-правовые отношения иногда носят принципиально разный характер. Обращая на это внимание, формулирует свою концепцию, во многом, по-моему, верную, Т. В. Кленова. Согласно ей, все уголовно-правовые отношения, входящие в предмет уголовно-правового регулирования, разделяются на две большие группы. Первая группа, которую автор именует общепредупредительными отношениями, возникает в связи с установлением обеспеченных санкциями уголовно-правовых запретов или в связи с предоставлением права на причинение вреда для достижения общественно-полезных целей. Вторая группа – специально-предупредительные отношения – подчинена задачам специального предупре-

⁴⁶ Там же. С. 15.

⁴⁷ Уголовное право России. Часть Общая / Отв. ред. проф. Л. Л. Крутиков. – М., 1999. – С. 7–8. Разделяет эти предметы для уголовного права также и Ю. И. Ляпунов. (Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 24). Н. М. Кропачев полагает, что это – старая точка зрения, исходящая, по-видимому, от М. Д. Шаргородского и О. С. Иоффе (Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. – СПб, 1999. – С. 45).

⁴⁸ Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России. – СПб., 2001. – С. 13.

⁴⁹ Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 25.

⁵⁰ Там же. С. 25–26.

ждения преступлений и включает в себя охранительные (связанные с определением состояния уголовной ответственности лица, совершившего преступление, в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, в связи с применением принудительных мер медицинского характера) и восстановительные (возникающие между потерпевшим и лицом, совершившим преступление, в связи с его социально-положительным поведением после совершения преступления) отношения⁵¹.

В этой концепции, довольно логичной, вызывают возражение несколько моментов. Прежде всего, думаю, что охранительные отношения существуют только в связи с наличием уголовно-правового запрета; при нарушении его конкретным лицом охранительное отношение, не выполнившее своей функции, трансформируется, преобразуется в уголовно-регулятивное отношение, связанное с установлением уголовной ответственности. Охрана предполагает *угрозу* конкретным наказанием, описанным в законе, за конкретное, описанное там же, отклоняющееся поведение⁵². Если она – угроза – не возымела действия и преступление совершено, возникают и реализуются другие уголовно-правовые отношения, связанные с применением уголовно-правовой нормы. Кроме того, специально-предупредительные уголовно-правовые отношения в полной мере выполняют и общепредупредительное правовое воздействие.

Поэтому в предмет уголовного права следует, на мой взгляд, включать две группы взаимосвязанных и одновременно самостоятельных уголовно-правовых отношений. Первая группа отношений проистекает из самого существования уголовного запрета и уголовно-правового регулирования; условно такие отношения могут быть названы охранительно-предупредительными. Вторая группа уголовно-правовых отношений – уголовно-регулятивные – связана с нарушением уголовно-правовых запретов⁵³. Разумеется, предложенные названия уголовно-правовых отношений небыдупречны, поскольку охранительно-предупредительные отношения являются по своему характеру регулятивными отношениями, а уголовно-регулятивные отношения, безусловно, оказывают предупредительное воздействие на граждан. В названии учтены доминирующие в каждой группе отношений характеристики.

Охранительно-предупредительные отношения возникают с момента вступления в действие нового уголовного законодательства и длятся постоянно, до замены этого законодательства другим⁵⁴. Субъектами названных отношений выступают, с одной стороны, все лица, подпадающие под юрисдикцию уголовного закона, достигшие возраста уголовной ответственности, вменяемые (хотя, в ряде случаев, и невменяемые), граждане государства и неграждане, наделенные и ненаделенные признаками специального субъекта, и т. д. С другой стороны,

⁵¹ Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара, 2001. – С. 25–26.

⁵² Сказанное вытекает, на мой взгляд, и из буквального значения термина «охрана». В. Д. Филимонов, приводя значение этого термина из словаря С. И. Ожегова, справедливо указывает: «...охрана – это поддержание чего-либо в том виде, в каком оно существует» (Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. – СПб., 2003. – С. 56). Правда, далее этот автор делает из этой посылки не вытекающий из нее вывод: «Выполнить эту задачу можно путем предупреждения неблагоприятного воздействия на объект охраны, а также путем устранения того ущерба, который был ей нанесен, если неблагоприятное воздействие на него все-таки состоялось». – Там же. – Думаю, при наличии неблагоприятного воздействия, мы имеем дело уже с принципиально иными отношениями. Подтверждает это и сам В. Д. Филимонов, отмечающий ниже: «Организация и упорядочение общественных отношений, нарушенных совершением преступлений, осуществляются уголовным правом не путем их восстановления в прежнем виде. Часто это невозможно... а если возможно... то оно осуществляется с помощью средств, имеющихся в распоряжении других отраслей права» (Там же. С. 59).

⁵³ Близкую точку зрения высказывает И. Э. Звечаровский, полагающий, что «предмет уголовного права составляют две относительно самостоятельные части: во-первых, наиболее важные и ценные для личности, общества и государства стороны общественных отношений, перечисленные в ч. 1 ст. 2 УК, в рамках которых осуществляется поведение лица, регламентированное уголовным законом; во-вторых, общественные отношения, возникающие вследствие совершения преступления» (Уголовное право России. Общая часть / Под ред. И. Э. Звечаровского. – М., 2004. – С. 10; Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России. – СПб., 2001. – С. 18 и др.).

⁵⁴ На это же указывает и И. Я. Козаченко (Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. проф. И. Я. Козаченко, проф. З. А. Незнамова. – М., 2001. – С. 14). В то же время следует отметить, что для конкретного лица моментом начала этих отношений может быть момент достижения лицом возраста уголовной ответственности, в то время как уголовный закон уже действует.

субъектом указанных уголовно-правовых отношений является государство в лице его органов и должностных лиц. Содержание охранительно-предупредительных уголовно-правовых отношений составляет охрана признаваемых обществом ценностей (благ, прав, законных интересов, и т. д.) путем формулирования уголовно-правовых запретов и правил уголовно-правового регулирования, которые сдерживающе воздействуют на всех лиц.

Здесь же нужно отметить, что А. В. Наумов делает оговорку, с которой трудно согласиться: «Уголовно-правовой запрет фактически регулирует поведение не всех членов общества, а некоторой их части»⁵⁵. Думаю, что здесь есть некоторое противоречие в позиции автора, утверждающего наличие у уголовного права общепредупредительной функции и общепредупредительных уголовно-правовых отношений. Уголовно-правовой запрет, сформулированный в уголовном законе, обращен ко всем членам общества, без малейшего исключения, и для возникновения предупредительных уголовно-правовых отношений не имеет значения, по каким причинам люди не нарушают этот запрет⁵⁶.

Общепредупредительные уголовно-правовые отношения существуют всегда, механизм их реализации отличается от механизма реализации других уголовно-правовых отношений. Это так называемые позитивные уголовно-правовые отношения, свидетельствующие об отсутствии преступного отклоняющегося поведения, о соблюдении всеми сторонами установленных правом и законом правил поведения.

Ю. И. Ляпунов пишет, что уголовно-правовые нормы – запреты «не регулируют социально ценные отношения... Уголовный закон не раскрывает перед членами общества развернутую положительную программу общественно полезных действий, в совершении которых заинтересовано государство»⁵⁷. Как раз в этом-то, на мой взгляд, и проявляется специфика уголовно-правового регулирования; нет необходимости в формулировании подробных правил позитивного поведения, достаточно, чтобы было выполнено одно, но принципиальное: чтобы установленный уголовно-правовой запрет не был нарушен; чтобы лица соблюдали в своем поведении незыблемость этого запрета. Ф. Р. Сундунов по этому поводу справедливо замечает: «... и в этом случае уголовное право регулирует свой срез общественных отношений, возникающих в связи с регламентацией в уголовном законе преступления и совершением преступных деяний конкретными лицами»⁵⁸. Еще точнее выражается Т. В. Кленова: «Указывая на недопустимость определенных видов поведения, уголовно-правовые нормы методом исключения предопределяют правила должного поведения членов общества. Не установление наказания за преступное деяние, а требование правомерного поведения – вот главное в содержании уголовно-правовых норм»⁵⁹.

Спецификой охранительно-предупредительных уголовно-правовых отношений следует признать разную, а чаще – низкую интенсивность взаимодействия субъектов правоотношений. Взаимодействие выражается в осознании лицами факта существования уголовно-правового запрета и уголовно-правового регулирования и в ненарушении ими того и другого; для государства взаимодействие с лицами, которым адресован уголовно-правовой запрет, заключается в его принятии и изменении при возникновении необходимых для этого обстоятельств; соответственно суть взаимодействия проявляется в соблюдении уголовно-правовых запретов одной стороной и в невключении механизма регулятивных уголовно-правовых отношений другой стороной.

⁵⁵ Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. акад. В. Н. Кудрявцева и проф. А. В. Наумова. – М., 2000. – С. 8.

⁵⁶ Верно отмечает в этой связи И. Э. Звечаровский: «Здесь происходит смешение юридического и социально-психологического механизмов действия уголовно-правовой нормы: ставится знак равенства между тем, кому она адресована, и тем, как она воспринимается адресатом» (Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России. – СПб, 2001. – С. 16).

⁵⁷ Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 26.

⁵⁸ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. проф. Ф. Р. Сундунова. – Казань, 2003. – С. 6.

⁵⁹ Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара, 2001. – С. 9.

Интенсивность взаимодействия субъектов правоотношений высока только в одном случае: при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния. Полагаю, что эти отношения, выделяемые, как показано выше, другими авторами в самостоятельную группу уголовно-правовых отношений, вполне укладываются в рамки охранительно-предупредительных отношений⁶⁰. Механизм охраны позитивных отношений здесь несколько отличается от обычного механизма охраны. Его усложняет наличие обстоятельства, исключающего преступность деяния. Собственно, от охраны требуют отношений, которые возникли в результате наличия таких обстоятельств. Если соблюдены все условия правомерности поведения лица – это охранительно-предупредительные отношения. Их содержания не меняет и возможный факт возбуждения уголовного дела, в рамках расследования которого происходит установление правомерности поведения лица, действовавшего при обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Взаимодействие сторон здесь выражается, таким образом, в совершении лицом деяния, внешне похожего на преступление, при обстоятельствах, свидетельствующих об отсутствии общественной опасности, противоправности и наказуемости такого деяния; и в установлении государством в рамках законодательно прописанной процедуры правомерности этого деяния. При нарушении условий правомерности поведения лица, действующего при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, охранительно-предупредительные уголовно-правовые отношения трансформируются в уголовно-регулятивные⁶¹.

Уголовно-регулятивные отношения возникают при нарушении позитивных охранительно-предупредительных уголовно-правовых отношений. Их субъекты представлены, с одной стороны, лицом, нарушившим уголовно-правовой запрет (оно в конечном счете может оказаться и не субъектом уголовного права, а, например, невменяемым лицом, к которому, в полном соответствии с законом, могут быть применены принудительные меры медицинского характера), с другой – государством в лице правоприменительных органов и их должностных лиц (представителей органов дознания и следствия, судебных органов). Уголовно-регулятивные отношения возникают с момента нарушения лицом уголовно-правового запрета и длятся до момента назначения судом виновному наказания или применения к лицу других мер уголовно-правового воздействия, или до момента прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям⁶². Содержание уголовно-регулятивных отношений составляют обязанность лица, преступившего уголовно-правовой запрет, подвергнуться уголовно-правовому воздействию, и право этого лица на уголовно-правовое воздействие в точном соответствии с уголовным законом, с одной стороны; и обязанность государства подвергнуть преступившее уголовный запрет лицо уголовно-правовому воздействию и право его на выбор предусмотренных законом вариантов такого воздействия, вплоть до отказа от него при наличии некоторых обстоятельств.

Исполнение назначенных лицу наказаний остается за рамками предмета уголовного права и составляет предмет уголовно-исполнительного права. Однако требует своего разрешения с точки зрения позиции, изложенной выше, вопрос о том, почему уголовное право регулирует проблемы освобождения от наказания, в том числе условно-досрочного, а также проблемы судимости, в том числе ее погашения или снятия⁶³, и в рамках каких отношений

⁶⁰ Указанные отношения относит к охранительным и Ю. И. Ляпунов (Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 22). Н. М. Кропачев считает их в равной степени принадлежащими как к охранительным, так и к регулятивным правоотношениям (*Кропачев Н. М.* Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. – СПб., 1999. – С. 179).

⁶¹ По мнению Н. М. Кропачева, наоборот, в случае совершения преступления происходит трансформация регулятивных отношений в охранительные, поскольку только охранительные отношения связаны с совершением преступления (*Кропачев Н. М.* Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. – СПб., 1999. – С. 183, 184, 205 и др.).

⁶² Реабилитирующие основания свидетельствуют о наличии не уголовно-регулятивного, а охранительно-предупредительного уголовно-правового отношения.

⁶³ Н. Ф. Кузнецова считает, что уголовно-правовые отношения длятся до момента погашения судимости (Курс уголовного

это происходит. К сожалению, у меня нет ответа на эти вопросы, поскольку, по моему глубокому убеждению, указанные проблемы не входят в предмет уголовно-правового регулирования, а относятся к предмету уголовно-исполнительного права. Пожалуй, единственное, что можно оставить в предмете уголовного права, это институты условного неприменения наказания, которые назначаются судом одновременно с назначением наказания; поскольку условное осуждение или, например, отсрочка отбывания наказания значительно снижают степень карательного воздействия назначенного наказания и одновременно с учетом конкретных обстоятельств привилегируют положение осужденного, а вместе направлены на выполнение задач, стоящих перед уголовным наказанием.

Следует отметить, что уголовно-регулятивные отношения также обладают предупредительным воздействием как на всех лиц, так и на тех, которые привлекаются к уголовной ответственности в связи с совершением ими преступления. В этом смысле они также могут быть сочтены предупредительными уголовно-правовыми отношениями. Однако предупредительное воздействие здесь не является главным, в отличие от первой разновидности уголовно-правовых отношений. Это всегда присутствующее, но производное от основного – регулятивного – содержания свойство анализируемых отношений.

В связи с предложенной концепцией следует принять во внимание и проанализировать имеющуюся в науке и достаточно серьезно аргументированную точку зрения на предмет уголовно-правового регулирования, высказанную Ю. И. Ляпуновым⁶⁴, и разделяемую сегодня Ю. Е. Пудовочкиным и С. С. Пирвагидовым⁶⁵. Критикуя позицию А. В. Наумова о наличии общепредупредительных уголовно-правовых отношений, Ю. И. Ляпунов, в частности, пишет следующее: «По своему характеру и юридической природе такие отношения могут быть только абсолютными, когда одному субъекту, наделенному правами, противостоит неопределенное число людей, а по существу – все граждане государства, имеющие одни обязанности и лишены прав... В науке... уголовного права господствует точка зрения, что уголовное правоотношение всегда является относительным двусторонним отношением (т. е. между конкретными субъектами) и порождает его определенный реально существующий юридический факт. Его отсутствие автоматически превращает относительные правоотношения в абсолютные, которые, по нашему мнению, ни при каких условиях не могут быть предметом уголовно-правового регулирования и вообще по своей природе чужды уголовному праву. К тому же искусственное привнесение в уголовное право неких „правовых отношений“, даже отдаленно не связанных с фактически совершенным преступлением, размывает границы собственно уголовно-правового регулирования... Сам предмет регулирования нормами уголовного права превращается в некое неоформленное образование, границы которого вообще невозможно определить, коль скоро „любой и каждый“ член общества во всех многообразных проявлениях его жизнедеятельности в рамках требований не только уголовного, но и других законов становится участником (субъектом, стороной) уголовно-правовых отношений»⁶⁶.

Прежде всего об *абсолютных и относительных правоотношениях*. Охранительно-предупредительные (или общепредупредительные, как их называют другие авторы) уголовно-правовые отношения совершенно неверно Ю. И. Ляпунов относит к абсолютным. Для каждого лица, которому адресован уголовно-правовой запрет, отношения, в которых он находится по поводу его соблюдения с государством, являются конкретно двухсторонними, относительными. Субъектами в таких отношениях выступает не общество в целом и государство, а кон-

права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / Под ред. докт. юрид. наук., проф. Н. Ф. Кузнецовой и канд. юрид. наук., доц. И. М. Тяжковой. – М., 1999. – С. 3.

⁶⁴ Выше мы уже начали ее анализировать.

⁶⁵ Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. – СПб., 2003. – С. 27 и др.

⁶⁶ Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 17–18.

кретный представитель этого общества и государство. При этом, очевидно, и выше на это указывалось, что далеко «не любой и каждый» член общества может быть субъектом охранительно-предупредительных уголовно-правовых отношений: для этого необходимо, как правило, достижение лицом определенного возраста (возраста уголовной ответственности) и наличие у лица вменяемости. Поскольку таких людей в любом государстве – великое множество, конечно, сложно принять тот факт, что все они, точнее каждый из них, находятся в уголовно-правовых отношениях с государством. Однако количество отношений – еще не повод для того, чтобы оспаривать факт их наличия; почему-то ни у кого не вызывает сомнения, что большинство проживающих на территории России пребывают с государством в конституционно-правовых отношениях, связанных с наличием российского гражданства.

О *юридическом факте*, влекущем возникновение охранительно-предупредительных отношений. Безусловно, здесь в качестве такого факта не выступает совершение лицом преступления. Специфика анализируемых уголовно-правовых отношений заключается как раз в том, что они являются не негативными, а позитивными уголовно-правовыми отношениями⁶⁷. Одновременно два юридических факта – совокупность фактов – лежат в основе каждого из таких отношений: установление государством уголовно-правового запрета (принятие уголовного закона или его изменение) и достижение лицом возраста уголовной ответственности. В отношениях же, связанных с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, юридическим фактом выступает конкретное обстоятельство (например, посягательство, дающее право на необходимую оборону).

О *правах и обязанностях сторон* охранительно-предупредительных уголовно-правовых отношений. Опять-таки, неправильно, на мой взгляд, утверждение, что в названных отношениях одна сторона – государство – наделена правами, а у другой стороны – у гражданина – есть только обязанности. Обе стороны охранительно-предупредительных отношений обладают и тем, и другим: гражданин обязан соблюдать уголовно-правовой запрет, воздерживаться от преступного отклоняющегося поведения и имеет право на уголовно-правовую защиту всех принадлежащих ему благ, которые в принципе охраняются уголовным правом. Кроме того, в некоторых случаях государство делегирует ему право на активное поведение по защите своих собственных или чужих интересов, которому одновременно соответствует обязанность соблюдать условия правомерности такого поведения. Государство, со своей стороны, имеет право и обязанность установить уголовно-правовой запрет или изменить его при наличии необходимости, право и обязанность привлечь виновное в совершении преступления лицо к уголовной ответственности или освободить от нее, обязанность не возбуждать механизма уголовного преследования в отношении лица, соблюдающего уголовно-правовые запреты.

О *границах уголовно-правового регулирования, или о конкретности его предмета*. Представляется, что выделение в качестве самостоятельной группы охранительно-предупредительных уголовно-правовых отношений никак не влияет на конкретность предмета уголовно-правового регулирования. И в этих отношениях центральными остаются присущие только уголовно-правовому воздействию понятия – преступления и уголовного наказания. Принимается во внимание лишь другой аспект отношений, связанных с ними. Следует иметь в виду также, что подобные отношения не регулируются – и не могут регулироваться – ни одной из других существующих в государстве правовых отраслей.

И, наконец, самое сложное – об *уголовно-правовом регулировании и уголовно-правовом воздействии*. Продолжая рассуждения об отсутствии у уголовного права общепредупредитель-

⁶⁷ Отмечу здесь же, что Ю. И. Ляпунов признает существование так называемой позитивной юридической ответственности, хотя и в несколько ограниченном объеме (Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 15), но отказывает уголовному праву в регулировании им позитивных уголовно-правовых отношений. Более того, он, как отмечалось выше, все правовые отрасли, за исключением уголовного права, наделяет функцией регулирования позитивных общественных отношений (Там же. – С. 25–26), проявляя таким образом определенную непоследовательность.

ных отношений, Ю. И. Ляпунов пишет: «...общепредупредительные потенции, заложенные в уголовном законе и представляющие собой один из элементов (возможно, основных, наиболее существенных) механизма *правового воздействия*, не являющегося в строго юридическом понимании правовым регулированием, относятся к его *функциям* и их проявлениям, а не к предмету правового регулирования общественных отношений... Общая превенция преступлений как одна из основных функций уголовного права реализуется в объективной действительности именно в рамках *правового воздействия*, а не регулирования. При этом воздействие норм уголовного права может протекать и чаще всего фактически протекает далеко за пределами процесса регулирования особых общественных отношений, складывающихся в результате реальных преступных посягательств»⁶⁸.

Различая вслед за теоретиками права понятия правового воздействия и правового регулирования (при этом любое правовое регулирование, на мой взгляд, является и правовым воздействием, но не любое правовое воздействие есть правовое регулирование), хотела бы отметить следующее. Правовое регулирование, с присущими ему предметом и методом, составляют специфику любой правовой отрасли, сегодня это практически не оспаривается в науке⁶⁹. Суть правового регулирования, очевидно, заключается в упорядочивании определенных отношений, в выстраивании их в соответствии с установленными данной правовой отраслью правилами поведения; это отмечается и самим Ю. И. Ляпуновым⁷⁰. В этом же проявляется и социальное назначение конкретной правовой отрасли. Правовое регулирование осуществляется в полном соответствии с задачами, стоящими перед правовой отраслью. Функции права, т. е. направления его действия, реализации, также должны соответствовать задачам правовой отрасли, а, следовательно, и предмету и методу (методам) правового регулирования⁷¹. Право, на мой взгляд, не может выполнять функций, которые выходят за рамки предмета его регулирования, и в утверждении обратного мне видится основной методологический дефект научной позиции Ю. И. Ляпунова.

Правовое воздействие, которое выходит за рамки правового регулирования, – это, если можно так выразиться, незапланированный эффект данной правовой отрасли, неучтенные в предмете последствия ее существования. Они могут носить позитивный или негативный характер, хотя в науке, говоря о правовом воздействии, имеют в виду обычно только первый. Так, факт существования любой отрасли права, включая и уголовное, оказывает позитивное воспитательное воздействие на всех граждан.

Задачами уголовного права являются охрана благ и законных интересов от преступных посягательств и предупреждение преступлений (ст. 2 УК РФ, см. об этом далее). В полном соответствии с указанными задачами находятся уголовно-правовые отношения различного содержания: охранительно-предупредительные и уголовно-регулятивные. Вынесение предупредительных отношений за рамки предмета, наделение их статусом только функции уголовного права, на мой взгляд, противоречит общетеоретической концепции правового регулирования и правового воздействия.

⁶⁸ Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 18–19.

⁶⁹ Интересным и показательным мне представляется тот факт, что, наделяя уголовное право двумя предметами – предметом охраны и предметом регулирования, Ю. И. Ляпунов вместе с тем разграничивает все правовые отрасли по методу правового *регулирования* (Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 30 и др.). А если принять во внимание предмет охраны, которому, кстати, у указанного автора не соответствует ни один из известных методов, хотя он вскользь и проговаривает, что такой метод существует, не называя его (Там же. – С. 30), то как можно отличить уголовное право от других правовых отраслей?

⁷⁰ Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 25.

⁷¹ Достаточно точно, по-моему, говорит о функциях В. Д. Филимонов: «Функция права – это социальная роль, которую оно выполняет в организации (упорядочении) общественных отношений, определяемая направленностью и методом их правового регулирования» (Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. – СПб., 2003. – С. 50). Правда, вместо понятия «направленность» я бы употребила более верный и передающий суть термин «предмет регулирования».

Метод уголовного права

Метод уголовного права тоже определяется в уголовно-правовой науке по-разному. Верно отмечает Т. В. Кленова: «Незавершенность дискуссии о предмете регулирования имеет последствием отсутствие в науке уголовного права общепринятого определения метода регулирования»⁷².

Так, по мнению Б. В. Здравомыслова, им выступает установление преступности деяний, уголовных запретов их совершения и их наказуемости⁷³; сегодня эту позицию разделяет В. П. Ревин⁷⁴. С. И. Никулин полагает, что методом уголовно-правового регулирования является запрет совершать общественно опасные деяния, которые причиняют «наиболее существенный вред социальным ценностям»⁷⁵. В. Д. Иванов считает основным методом правового регулирования охрану интересов, перечисленных в ст. 2 УК, «путем установления мер уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера за совершение преступных посягательств»⁷⁶. О. Ф. Шишов признавал методом уголовного права императивно-запретительный метод, при котором устанавливаются «почти исключительно запреты, а суть предписаний сводится к неукоснительному соблюдению этих запретов». Отдельно О. Ф. Шишов выделял также методы охраны общественных отношений: применение уголовно-правовых санкций, освобождение от уголовной ответственности, применение принудительных мер медицинского характера⁷⁷.

И. Я. Козаченко рассматривает в качестве совокупного, как он отмечает, метода уголовно-правового регулирования уголовную ответственность, заключающую в себе негативный (отрицательную оценку антиобщественного поведения субъекта, совершившего преступление) и позитивный (положительную оценку поведения, при котором уголовный закон не нарушается) аспекты⁷⁸.

Основными методами уголовно-правового регулирования А. И. Коробеев называет принуждение («лишение человека неких благ») и поощрение («освобождение от обременения, налагаемых (или могущих быть наложенными) на лицо в связи с совершенным деянием»)⁷⁹. На такой же позиции стоит и Ю. В. Голик⁸⁰. По Ю. И. Ляпунову, метод уголовно-правового регулирования – это привлечение виновного к уголовной ответственности⁸¹, по Т. В. Кленовой – «наказание, основное уголовно-правовое средство общей и специальной превенции преступлений»⁸².

Ф. Р. Сундуrow наделяет уголовное право всеми известными методами правового регулирования: запретами, предписаниями (они отнесены автором к основным методам), дозволе-

⁷² Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара, 2001. — С. 31.

⁷³ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. – М., 1999. – С. 8.

⁷⁴ Уголовное право России: Общая и Особенная части / Под ред. проф. В. П. Ревина. – М., 2000. – С. 4.

⁷⁵ Российское уголовное право. Общая часть / Под общ. ред. проф. М. П. Журавлева. – М., 2000. – С. 5.

⁷⁶ Иванов В. Д. Уголовное право. Общая часть. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 7.

⁷⁷ Российское уголовное право. В 2 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. проф. А. И. Рарога. – М., 2004. – С. 8–9.

⁷⁸ Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. проф. И. Я. Козаченко, проф. З. А. Незнамова. – М., 2001. — С. 16–17.

⁷⁹ Уголовное право Российской Федерации: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. – М., 2002. – С. 14. Эту позицию разделяет И. А. Семенов (Семенов И. А. Поощрительные нормы в уголовном законодательстве России.: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 11).

⁸⁰ Голик Ю. В. Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения: вопросы теории. – Новосибирск, 1992. – С. 43–46.

⁸¹ Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 28. Правда, в другом месте работы (Там же. – С. 30) он говорит о таком методе, как использование уголовно-правовых средств борьбы с преступлениями.

⁸² Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара, 2001. — С. 31.

нием и поощрением⁸³; такой же позиции придерживаются и Ю. Е. Пудовочкин, и С. С. Пирвагидов⁸⁴. Еще шире методы уголовно-правового регулирования истолковывает Г. О. Петрова, относя к ним, помимо методов запрета, дозволения и обязывания, также превентивный (рассчитан только на лиц, совершивших преступления, выражается в их уголовном преследовании) и стимулирующий (позволяет лицам, нарушившим запрет, предотвратить связанные с нарушением уголовно-правовые последствия или смягчить их) методы⁸⁵.

Отождествляет методы уголовного права и уголовно-правовой науки, с одной стороны, и предметы уголовного права – с другой, В. В. Мальцев, утверждающий: «Метод уголовного права – это система приемов, способов, средств, используемых при исследовании социальных явлений, обуславливающих содержание уголовного законодательства, конструировании и применении уголовно-правовых норм; это также и система уголовно-правовых отношений (регулятивных и охранительных, отношений ответственности), которые посредством многоаспектного воздействия на поведение граждан обеспечивают охрану базисных общественных отношений (предмета уголовно-правовой охраны)»⁸⁶. Б. Т. Разгильдиев также признает не предметом, а методом уголовного права регулятивные и охранительные отношения⁸⁷.

Развивая свою концепцию по предмету уголовного права, не наделяет последнее единым методом А. В. Наумов. По его мнению, у каждой группы уголовно-правовых отношений, образующих в совокупности предмет уголовного права, есть свои специфические методы. К методам охранительных уголовно-правовых отношений он относит: 1) применение санкций уголовно-правовых норм (уголовного наказания); 2) освобождение от уголовной ответственности и наказания (в том числе и принудительные меры воспитательного воздействия к несовершеннолетним); 3) применение принудительных мер медицинского характера. Методом общепредупредительных уголовно-правовых отношений автор считает установление уголовно-правового запрета; методом регулятивных уголовно-правовых отношений – метод наделяния граждан правами на активную защиту от общественно опасных деяний и предупреждение общественно опасных последствий⁸⁸.

Говорит отдельно о методах каждой из двух выделяемых им групп уголовно-правовых отношений, включенных в предмет уголовного права, и А. И. Чучаев: охранительным отношениям соответствует метод установления запрета совершать предусмотренные законом деяния под угрозой применения уголовного наказания; регулятивным отношениям – метод наделяния граждан определенными правами⁸⁹. Наделяет своими методами каждую из выделяемых им четырех групп уголовно-правовых отношений и Р. Р. Галиакбаров. Частично они перекликаются с теми методами, о которых говорит А. В. Наумов; для уголовно-правовых отношений, возникающих в связи с изданием уголовно-правовой нормы, Р. Р. Галиакбаров в качестве методов уголовно-правового регулирования указывает принятие уголовных законов и доведение их до сведения населения и правоохранительных органов⁹⁰.

Думаю, с А. В. Наумовым, А. И. Чучаевым и Р. Р. Галиакбаровым следует согласиться в том, что метод уголовно-правового регулирования не может быть сведен к одному

⁸³ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. проф. Ф. Р. Сундукова. – Казань, 2003. – С. 10–11.

⁸⁴ Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. – СПб., 2003. – С. 36.

⁸⁵ Петрова Г. О. Норма и правоотношение – средства уголовно-правового регулирования. – Н. Новгород, 1999. – С. 37–39.

⁸⁶ Мальцев В. В. Введение в уголовное право. – Волгоград, 2000. – С. 108.

⁸⁷ Разгильдиев Б. Т. Предмет уголовного права // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации. – Саратов, 2002. – С. 23.

⁸⁸ Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. акад. В. Н. Кудрявцева и проф. А. В. Наумова. – М., 2000. – С. 10–11; Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М., 2001. – С. 10–12.

⁸⁹ Уголовное право. Общая часть / Под ред. проф. А. И. Рарога. – М., 1997. – С. 4.

⁹⁰ Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть. – Краснодар, 1999. – С. 12–13.

методу; и каждая разновидность уголовно-правовых отношений, входящих в предмет уголовного права, обладает своими собственными методами. Для охранительно-предупредительных отношений характерны два метода – *метод уголовно-правового запрета*, в соответствии с которым, под страхом уголовного наказания запрещаются отдельные виды отклоняющегося поведения на основании установленных в уголовном законе признаков такого поведения и правил уголовно-правового регулирования, и *метод дозволения*, который регламентирует признаки правомерности поведения лица при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния⁹¹.

Для уголовно-регулятивных отношений также характерны два метода – *метод уголовно-правового запрета* и *метод дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности*, совпадающий с одним из методов уголовно-правовой политики⁹². Представляется, что нет необходимости в специальном выделении здесь таких предлагаемых другими исследователями⁹³ методов, как освобождение от уголовной ответственности и наказания, применение принудительных мер медицинского характера, поощрительный метод. Они полностью укладываются в метод дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

Понятие уголовного права

Давая определение уголовному праву как отрасли права, многие исследователи отмечают тот факт, что составляющие ее нормы устанавливаются высшими органами власти⁹⁴. Не думаю, что в такой оговорке существует необходимость, поскольку названный признак присущ любой правовой отрасли.

В своем определении уголовного права С. И. Никулин подчеркивает, что нормы, входящие в него, представляют «повышенную опасность для существующего в стране правопорядка»⁹⁵. Вызывает возражения здесь связывание опасности деяний с правопорядком, поскольку для последнего это, скорее, не непосредственная, а опосредованная опасность; непосредственная же угроза адресована личности, обществу и (или) государству.

О. Ф. Шишов полагал, что уголовное право как отрасль включает в себя «не только нормы уголовного законодательства, но и возникающие на их основе уголовные правоотношения, а также правотворческую и правоприменительную деятельность»⁹⁶. В данной формулировке меня смущает, во-первых, то, что речь идет о нормах законодательства, т. е. употреблен юридически некорректный оборот. Существуют нормы права, которые воплощаются в статьях уголовного закона. Обращает на себя внимание, что практически невозможно провести разницу между понятиями уголовного права и уголовного законодательства, дефинируемые этим же автором, поскольку уголовное право как отрасль законодательства он толкует как систему норм, принимаемых Государственной Думой⁹⁷. Кроме того, думаю, что неверно включать в понятие уголовного права как отрасли правоприменительную деятельность; разу-

⁹¹ По мнению И. Э. Звечаровского, отношениям, возникающим по поводу соблюдения уголовно-правовых требований, присущ только метод запрета (Уголовное право России. Общая часть/ Под ред. И. Э. Звечаровского. – М., 2004. – С. 12).

⁹² См. об этом далее.

⁹³ К ним относится и И. Э. Звечаровский, считающий, что в отношениях, возникающих в связи с совершением преступления, используются все способы правового регулирования: запрет, обязывание, дозволение и поощрение (Уголовное право России. Общая часть/ Под ред. И. Э. Звечаровского. – М., 2004. – С. 12).

⁹⁴ См., например: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. – М., 1999. – С. 7; Уголовное право Российской Федерации: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. – М., 2002. – С. 11.

⁹⁵ Российское уголовное право. Общая часть / Под общ. ред. проф. М. П. Журавлева. – М., 2000. – С. 3.

⁹⁶ Российское уголовное право. В 2 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. проф. А. И. Рарога. – М., 2004. – С. 7.

⁹⁷ Там же.

меется, правоприменение имманентно связано с правом, однако вторично по отношению к нему, это – реализация права.

Н. Ф. Кузнецова пишет: «Уголовное право как отрасль права охватывает уголовное законодательство и уголовно-правовые отношения, связанные с законотворчеством и правоприменением. Уголовно-правовые отношения возникают с момента официального вступления закона в силу, когда он уже начинает оказывать социально-психологическое влияние на тех неустойчивых граждан, которые воздерживаются от совершения преступления исключительно из-за угрозы наказанием. Статья 2 УК РФ признает задачей Кодекса охрану социальных интересов путем криминализации деяний, т. е. объявления их преступлениями, и пенализации преступлений, т. е. установления вида и размера наказания за них. Тем самым Кодекс считает законотворчество началом уголовно-правового регулирования и регламентации»⁹⁸. Некоторое противоречие в авторской позиции здесь, по-моему, очевидно. Законотворчество имеет место до того, как созданный в его процессе закон вступил в законную силу. До этого момента следует, на мой взгляд, говорить не об уголовном праве, а об уголовно-правовой политике.

Интересным, однако, и очень, на мой взгляд, спорным, является определение уголовного права, сформулированное И. Я. Козаченко: это «совокупность однородных правовых норм (институтов), закрепляющих систему признаков, позволяющих соответствующее деяние квалифицировать как преступление и необходимых для индивидуализации уголовной ответственности и наказания в точном соответствии с законом, с учетом содержания и обстоятельств совершения преступления, а также лица, его совершившего»⁹⁹. Создается впечатление, если принять во внимание указанную дефиницию, что у уголовного права есть только Общая часть, а признание деяния преступным отнесено к компетенции кого угодно, но только не законодателя. Это частично подтверждает и сам автор, который пишет далее: «Содержательно эти нормы (уголовно-правовые нормы. – Н. Л.) ориентированы, с одной стороны, на деяние, которое (согласно действующему на данный период уголовному законодательству) признается преступлением, а с другой – на правоприменителя, который обязан оценивать совершенное деяние как преступное только в соответствии с требованиями уголовного закона и на основании его»¹⁰⁰. Еще более однозначно он продолжает: «Уголовное право есть самостоятельная отрасль единой правовой системы, представляющая собой совокупность однородных норм высшего органа государственной власти, которые содержат описание признаков, позволяющих правоприменителю признавать деяние преступлением, и определяют основание и пределы уголовной ответственности, а равно условия освобождения от уголовной ответственности и наказания»¹⁰¹. Правоприменитель не признает деяние преступлением, это прерогатива законодателя. Первый может лишь квалифицировать совершенное деяние по определенной статье уголовного закона, т. е. установить в содеянном признаки состава преступления, предусмотренного законом.

Не выражает сущности уголовного права, по-моему, определение, сформулированное А. И. Бойко: «Уголовное право – древнейшая классическая отрасль права, состоящая из общих правил поведения преимущественно запретительного вида, официально закрепляемых государством в уголовном законодательстве и обеспечиваемых его принудительными возможностями»¹⁰². В равной степени это определение может быть применено, например, к административному праву, поскольку и в последнем формулируется множество запретов, за нарушение которых возможно применение принудительной силы государства.

⁹⁸ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. Ф. Кузнецовой и канд. юрид. наук, доц. И. М. Тяжковой. – М., 1999. – С. 2.

⁹⁹ Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. проф. И. Я. Козаченко, проф. З. А. Незнамова. – М., 2001. – С. XVII.

¹⁰⁰ Там же. С. 3.

¹⁰¹ Там же. С. 5.

¹⁰² Уголовное право. Общая часть / Под ред. В. Н. Петрашова. – М., 1999. – С. 13.

Основной дефект существующих определений уголовного права точно подмечен И. Э. Звечаровским, который пишет: «В имеющихся определениях понятия уголовного права, как правило, весьма туманно находят (если вообще находят) отражение предмет и особенно метод уголовного права»¹⁰³. Данное им определение этого недостатка лишено и полностью соответствует авторской концепции предмета и метода уголовно-правового регулирования, однако в нем, на мой взгляд, проявились другие недостатки (разумеется, я не оговариваю здесь тех недостатков, которые увидела в позиции автора по предмету и методам регулирования, хотя его позиция мне и близка).

Прежде всего оно может быть сокращено без ущерба для содержания. И. Э. Звечаровский отмечает: «Современное уголовное право России как самостоятельная отрасль единой системы права представляет собой органическую совокупность норм и институтов, призванных регулировать наиболее важные и ценные для личности, общества и государства общественные отношения посредством уголовного запрета (запрещающих и обязывающих уголовно-правовых норм), а в случае его нарушения – регулируя, восстанавливать эти отношения в рамках возникновения и реализации обязанности отвечать за содеянное посредством запрета, обязывания, дозволения и поощрения (запрещающих, обязывающих, управомочивающих и поощрительных уголовно-правовых норм)»¹⁰⁴. Не вижу необходимости в специальном упоминании в этом и подобных определениях того, что уголовное право – самостоятельная правовая отрасль (в этом в настоящее время уже никто не сомневается), и того, что оно – звено в общей российской правовой системе (эта информация также явно является лишней, поскольку опять-таки общепризнанна, поэтому ничего в характеристике права не меняет и не прибавляет). Думаю, что лишним является и сообщение о том, что уголовное право состоит из «норм и институтов», поскольку институты права также представляют собой совокупность правовых норм. Не нахожу особого смысла и в специальном упоминании в определении уголовного права всех разновидностей уголовно-правовых норм; тогда уж, следуя логике автора, надо было бы перечислить и все входящие в уголовное право институты.

Однако не это следует признать основным недостатком вышеприведенного определения, а то, что в нем не отражена, как и в некоторых других анализировавшихся ранее определениях, специфика уголовного права. Такое определение вполне может соответствовать, например, тому же административному праву, если заменить везде последовательно термин «уголовное» на термин «административное». Поэтому отказываться в нем от понятий «преступление» и «наказание» – нельзя, принципиально неверно.

Принимая во внимание сказанное здесь, а также изложенную выше свою позицию по предмету и методу регулирования уголовного права, сформулирую следующее понятие уголовного права как правовой отрасли. Безусловно, и в нем есть недостатки, а возможно, и ошибки, которые не видны мне сразу, но будут обнаружены внимательным читателем и заинтересованным – надеюсь, уважительным – критиком.

Под **уголовным правом** следует понимать совокупность норм о преступлении и уголовно-правовых последствиях его совершения – уголовной ответственности и иных мерах уголовно-правового воздействия, посредством которых осуществляется регулирование уголовно-правовых отношений, связанных с охраной важных для личности, общества и государства общественных отношений от преступных посягательств, с предупреждением последних, и с регламентацией отношений, нарушенных совершением преступления, с учетом личности виновного и обстоятельств дела.

¹⁰³ Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России. – СПб., 2001. – С. 9.

¹⁰⁴ Там же. —С. 23.

Соотношение уголовного права с другими правовыми отраслями

Поскольку уголовное право входит в правовую систему России, постольку оно находится с остальными отраслями права в тесной взаимосвязи. Можно выделить несколько вариантов этой взаимосвязи¹⁰⁵:

1. *Другие, так называемые позитивные правовые отрасли прибегают к средствам и методам уголовного права для защиты своих наиболее важных интересов.* Уголовное право здесь выступает в определенной степени гарантией существования позитивных правоотношений, в то же время оно предусматривает санкции за нарушение позитивных правоотношений. В таких отношениях уголовное право находится, например, с гражданским, семейным, банковским, предпринимательским, трудовым, авторским, избирательным и иным правом. Оно объявляет преступными наиболее опасные отклонения от правомерного в соответствующей правовой отрасли поведения, охраняя, таким образом, поведение правомерное и карая за поведение отклоняющееся. При этом в суть правовой регламентации, существующей в рамках другой отрасли права, уголовное право не вмешивается; оно даже не создает своего правового инструментария, как правило, а пользуется тем, который есть в охраняемых общественных отношениях. А. И. Коробеев называет эти отношения отношениями непосредственной зависимости уголовного права от ряда отраслей, поскольку «уголовное право выполняет по отношению к ним подчиненную, вспомогательную роль»¹⁰⁶. С этим согласиться довольно сложно, так как непонятно, в чем тут проявляется подчинение уголовного права другим правовым отраслям. Более точна, на мой взгляд, формулировка А. И. Бойко, – обеспечительная роль уголовного права по отношению к созидательным отраслям¹⁰⁷.

2. *Другие правовые отрасли, прежде всего и в основном – административное право, находятся с уголовным правом в отношениях своеобразного соперничества, поскольку направлены на решение односторонних задач: защиту позитивных правоотношений от нарушений*¹⁰⁸. Имеется определенное сходство и в предметах, и в методах этих правовых отраслей; они обе занимаются отклоняющимся поведением и карательным воздействием на него. Однако и опасность отклоняющегося поведения, и производная от нее степень нарушения позитивных отношений, и уровень кары как основного содержания наказания в административном и уголовном праве – принципиально разная, не совпадающая. Хотя с сожалением приходится констатировать, что иногда разграничение административных правонарушений и преступлений является настоящей проблемой.

3. *Есть правовые отрасли, с которыми уголовное право практически не входит в какие-либо отношения.* Как правило, это отрасли, носящие подчиненную, служебную, обслуживающую роль по отношению к позитивным отраслям права: гражданско-процессуальное, арбитражное, арбитражно-процессуальное. В лучшем случае, с названными отраслями уголовное право контактирует через базовые материальные отрасли права, отношения в которых оно охраняет.

4. *Наконец, у уголовного права есть свои подчиненные ему, в определенной степени выполняющие обслуживающие уголовное право функции правовые отрасли.* Они, безусловно, носят

¹⁰⁵ Есть и другие точки зрения по этому поводу. Например, В. В. Мальцев говорит о вертикальных и горизонтальных связях уголовного права с другими правовыми отраслями (Мальцев В. В. Введение в уголовное право. – Волгоград, 2000. – С. 116–126).

¹⁰⁶ Уголовное право Российской Федерации: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. – М., 2002. – С. 17.

¹⁰⁷ Уголовное право. Общая часть / Под ред. В. Н. Петрашова. – М., 1999. – С. 9.

¹⁰⁸ А. И. Коробеев называет эти отношения партнерскими, солидарными (Уголовное право Российской Федерации: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. – М., 2002. – С. 17).

при этом самостоятельный характер, имеют свои собственные предмет и метод правового регулирования, однако первоосновой их существования является все-таки уголовное право¹⁰⁹. Речь идет об уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном праве. Ю. И. Ляпунов называет совокупность этих трех правовых отраслей уголовно-правовым комплексом, который «охватывает объект своего воздействия – преступность – со всех сторон»¹¹⁰. Так же считает и А. Д. Прошляков¹¹¹. Уголовно-процессуальное право делает возможным реализацию уголовно-правовых положений по уголовному преследованию виновного лица; уголовно-исполнительное право обеспечивает исполнение тех наказаний, которые наложены судом на виновное лицо в связи с совершением им преступления.

---

¹⁰⁹ Категорически против наличия у уголовного права подчиненной роли по отношению к названным выше отраслям выступает И. Э. Звечаровский (*Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России.* – СПб., 2001. – С. 13). Н. И. Пикуров полагает, что уголовное право находится с уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным правом в отношениях вертикали, зависимости между ними относятся к числу генетических зависимостей (*Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей.* – Волгоград, 1998. – С. 22).

¹¹⁰ Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 9–10.

¹¹¹ Прошляков А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. – Екатеринбург, 1997. – С. 22 и др.

§ 2. Структура уголовного права

Структура и систематизация уголовного права

Уголовное право – сложное образование, включающее в себя, как было сказано, структурные элементы – уголовно-правовые нормы. Кроме того, однородные уголовно-правовые нормы образуют более крупные составляющие уголовное право элементы – институты уголовного права¹¹². И нормы, и институты уголовного права дефинируются в уголовно-правовой науке, и очень многое здесь тоже является спорным, иногда – недостаточно разработанным.

Кроме внутренней структуры, уголовное право систематизируется по разделам, которые в свою очередь разделены на две большие части – Общую и Особенную; систематизация уголовного права находит свое воплощение в системе уголовного законодательства¹¹³, которая будет рассмотрена ниже.

Понятие уголовно-правовой нормы¹¹⁴

По мнению И. Я. Козаченко, «норма уголовного права содержит правило должного поведения, которое имеет общеобязательную силу и меру ответственности за его нарушение или несоблюдение»¹¹⁵. Более точное, с указанием на природу ответственности определение уголовно-правовой нормы сформулировали В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев и А. Н. Тарбагаев: «Норма советского уголовного права есть установленное государством правило поведения, соблюдение которого обеспечивается авторитетом государственного требования и угрозой уголовной ответственности и наказания»¹¹⁶. Позднее похожее определение уголовно-правовой нормы сформулировал Н. М. Кропачев: «Норма уголовного права – это официально признанное общеобязательное правило поведения, являющееся мерой правовой оценки поведения участников общественных отношений как уголовно-правомерного или уголовно-противоправного и обеспечивающееся принудительной силой государственной власти»¹¹⁷.

Близка к приведенной позиция Л. В. Иногамовой-Хегай, которая полагает, что «уголовно-правовая норма запрещает членам общества совершать преступления под страхом наказания»¹¹⁸. Думаю, однако, что и эти определения полностью имеют отношение только к нормам Особенной части, и то не ко всем. Правило должного поведения одновременно с мерой ответ-

---

¹¹² В науке есть мнение, что первичным самостоятельным структурным элементом уголовного права выступают не уголовно-правовые нормы, а институты уголовного права (Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 12). Думаю, что оно явно ошибочно, поскольку именно норма – мельчайшее образование в уголовном праве, как и в любой другой правовой отрасли.

¹¹³ На это же указывает, например, В. П. Коняхин (*Коняхин В. П.* Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб., 2002. – С. 133).

¹¹⁴ См. об этом подробно, напр.: *Разгильдиев Б. Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. – Саратов, 1993. – С. 175–193.

¹¹⁵ Уголовное право. Общая часть/ Под ред. В. Н. Петрашева. – М., 1999. – С. 63.

¹¹⁶ *Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н.* Механизм уголовно-правового регулирования. – Красноярск, 1989. – С. 36.

¹¹⁷ *Кропачев Н. М.* Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. – СПб., 1999. – С. 84.

¹¹⁸ Российское уголовное право: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. проф. Л. В. Иногамовой-Хегай, проф. В. С. Комиссарова, проф. А. И. Рарога. – М., 2003. – С. 26–27. Видимо, это понятие сформулировано Л. В. Иногамовой-Хегай исключительно в учебных целях. В своей монографической работе она дает другое определение: «Норма уголовного права – это государственно-властные обязательные веления, выраженные в нормах-предписаниях и правилах поведения» (*Иногамова-Хегай Л. В.* Конкуренция норм уголовного права. – М., 1999. – С. 62).

ственности за его нарушение характерно лишь для запрещающих норм уголовного закона. А они могут быть и другими (об этом чуть ниже)¹¹⁹. Верно отмечает в этой связи Т. В. Кленова: «Система уголовно-правовых норм не исчерпывается запрещающими нормами»¹²⁰. Давая приведенное выше определение уголовно-правовой нормы, Л. В. Иногамов-Хегай, например, противоречит сама себе, поскольку далее недвусмысленно указывает на существование и иных уголовно-правовых норм: норм-дефиниций и др.¹²¹

Такой же ошибкой «грешит», на мой взгляд, и определение нормы уголовного права, данное З. А. Незнамовой: это «правило поведения, предоставляющее участникам данных общественных отношений юридические права и возлагающее на них юридические обязанности»¹²². Приведенная дефиниция обедняет содержание уголовно-правовой нормы и потому – неверна. Если следовать такому определению нормы, нужно признать, что невозможно существование в качестве нормативного заявления нормы-принципа и других разновидностей норм, в которых нет одновременно и правила поведения, и меры ответственности за его нарушение, что, очевидно, неправильно.

Норма уголовного права, таким образом, – это обязательное для исполнения или руководства при совершении действий правовое положение, которое может иметь форму правила поведения, в том числе, с мерой уголовной ответственности за его нарушение, и форму принципа, правового определения, декларации, т. е. форму, правоположения, которые закрепляют важнейшие понятия уголовного права.

В. П. Малков добавляет в определение нормы еще и указание, что она рассчитана на неопределенный круг лиц и на неопределенное число случаев криминального характера¹²³. А. И. Бойко справедливо отмечает, что норма уголовного права отвечает «известным свойствам общеобязательности, формальной определенности, неперсонифицированности, обладает представительско-обязывающим характером»¹²⁴. Однако поскольку перечисленные признаки в равной мере принадлежат всем остальным правовым нормам, не вижу необходимости в специальном указании на них в определении нормы уголовного права.

Своеобразный взгляд на уголовно-правовую норму демонстрирует А. А. Толкаченко: «Все нормы Общей части, взятые в совокупности с нормой Особенной части, предусматривающие ответственность за конкретное преступление, образуют единую уголовно-правовую норму, устанавливающую ответственность за это преступление»¹²⁵. Думаю, что приведенная позиция отличается от принятого в праве понимания нормы и может быть сочтена лишь авторским видением проблемы, лишенным практической значимости. Она же вызывает вопрос о том, что автор имеет в виду под нормами Общей части и нормой Особенной части.

Сложно согласиться и с определением уголовно-правовой нормы, которое дает Ф. Р. Сундуров: это отдельное общеобязательное правило, сформулированное в статье или части статьи УК¹²⁶. Во-первых, представляется, что уголовно-правовая норма иногда не ограничивается одной статьей УК, а излагается сразу в нескольких (например, любая норма Особенной части).

¹¹⁹ Справедливости ради следует отметить, что, как правило, авторские определения уголовно-правовой нормы полностью или во всяком случае во многом согласованы с видением конкретным автором проблемы уголовно-правового регулирования; соответственно допускаемое здесь, как и в иных работах, вычленение мнения автора лишь по одной из многих однородных или связанных друг с другом проблем не вполне верно и корректно.

¹²⁰ Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара, 2001. – С. 151. В то же время далеко не со всем в позиции Т. В. Кленовой по поводу уголовно-правовой нормы можно согласиться (см. об этом далее).

¹²¹ Там же. —С. 27.

¹²² Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. проф. И. Я. Козаченко, проф. З. А. Незнамова. – М., 2001. – С. 29.

¹²³ Уголовное право России. Часть Общая / Отв. ред. проф. Л. Л. Крутиков. – М., 1999. – С. 51.

¹²⁴ Уголовное право. Общая часть/ Под ред. В. Н. Петрашева. – М., 1999. – С. 10.

¹²⁵ Уголовное право Российской Федерации: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. – М., 2002. – С. 26. См. также: Уголовное право России. Общая часть / Под ред. И. Э. Звечаровского. – М., 2004. – С. 68.

¹²⁶ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. проф. Ф. Р. Сундукова. – Казань, 2003. – С. 20.

Во-вторых, и это главное, на мой взгляд, хотя закон и является формой выражения уголовного права, не следует забывать, что это всего лишь форма; едва ли выражение нормы в статье – есть главный сущностный признак уголовно-правовой нормы¹²⁷. Более точным поэтому представляется определение уголовно-правовой нормы, данное в цитируемом учебнике другим автором – И. А. Тархановым: «Уголовно-правовая норма – это система правовых предписаний»¹²⁸.

Перекликается с определением уголовно-правовой нормы Ф. Р. Сундурова понятие нормы, предложенное Т. В. Кленовой: «Уголовно-правовая норма представляет собой законодательно оформленное правило, в котором регламентируется поведение субъектов уголовно-правового отношения»¹²⁹. Автор исходит, по ее определению, из «традиционной концепции» нормы, трактующей ее только как правило поведения, и все попытки иного взгляда объявляет «необоснованными и сопряженными с отрицательными последствиями»¹³⁰, не объясняя, впрочем, в чем состоят последние. Правда, далее она пишет: «Признание возможности определения правовой нормы без указания объектом ее приложения поведения людей приводит к ложному выводу о ее непринадлежности к числу социальных норм. Если в определении не указывается конкретный объект приложения регламентированного правила, то оно поддается произвольному толкованию и может послужить теоретическим обоснованием вывода о декларативном характере законодательных положений. Если такие законодательные положения, как, например, определение задач и принципов Кодекса, его действия во времени и в пространстве, противопоставлять правовой норме, значит поставить под сомнение их участие в регламентации поведения субъектов регулируемых отношений»¹³¹.

В связи с приведенными цитатами необходимо, на мой взгляд, заметить следующее. Во-первых, любая правовая отрасль, как и вся их совокупность в государстве, характеризуется признаком системности. И одна отдельно взятая норма, в том числе, а может, и прежде всего уголовно-правовая, не может быть понята из самой себя, без учета названного признака, т. е. тех норм, которые составляют правовую отрасль вместе с ней. Поэтому в принципе произвольно истолкованы могут быть любые нормы, как не содержащие правила поведения людей, так и содержащие их, если их искусственно вычленишь из общей материи. Соответственно нормы-принципы и нормы-определения, которые существуют в уголовном праве, должны толковаться не в отрыве от остальных уголовно-правовых норм, а памятуя о существовании таких и применительно к ним. Во-вторых, отдельные нормы (опущу здесь термин «законодательные» по понятным причинам) просто не могут не быть декларативными; и это не только не беда или проблема указанных норм, а правовое достижение и неизбежность в любом правовом (не будем забывать и об этом) государстве. Сформулировать правило поведения (другую разновидность нормы) без подобных определений и принципов – непротиворечиво и беспроblemно – невозможно. И здесь мне совершенно непонятно, зачем эти «законодательные положения», как пишет Т. В. Кленова, надо противопоставлять другим нормам; необходимо просто признать, что они – другие. Более того, я совсем не вижу, чтобы существование норм-принципов или норм-определений противоречило каким-то образом и волевому поведению людей как единственному объекту уголовно-правового регулирования¹³².

¹²⁷ Следует отметить, что таким же недостатком страдает, на мой взгляд, и позиция Б. Т. Разгильдиева (*Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. – Саратов, 1993. – С. 182 и др.*).

¹²⁸ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. проф. Ф. Р. Сундурова. – Казань, 2003. – С. 86.

¹²⁹ Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара, 2001. – С. 158.

¹³⁰ Там же. – С. 154.

¹³¹ Там же. – С. 151.

¹³² Там же. С. 154.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.